

ПРИЛОЖЕНИЕ
(к книге «Сад Учителя» О.Б.Обнорской)

Содержание

Краткий биографический очерк	1
Мои воспоминания об Ольге Борисовне Обнорской	8
Письма О.Б.Обнорской	10

Ольга Борисовна Обнорская

Краткий биографический очерк

В стремительно-огненном вихре
Созидание и разрушенье
Проходят, вращаясь совместно,
Одно дополняет другое.
И там, где Песня Смерти
Гремит в Мировом Оркестре,
Там нежная флейта Рожденья
Завершает её аккорды.
Так возникает Феникс:
В разрушенье тая созиданье...
С каждым шагом взлетая всё
выше,
Возрождённый в бессмертном
сверканье.

О.Б.Обнорская. 1944 г.

Ольга Борисовна Обнорская (1892–1957) обладала исключительными духовными качествами, писала чудесные стихи, хорошо рисовала, была глубокой духовидицей. Она получала послания от Учителей Востока, в том числе от Великих Учителей М. и К. Х., а также от Джидду Кришнамурти (1896–1986), одного из наиболее выдающихся мыслителей нашего времени. В 1936 г., находясь в местечке Гуарек (близ Сочи), где была маленькая колония теософов, она впервые «стала ощущать присутствие Учителя» и беседы с ним оформила в виде поэтической рукописи «Сад Учителя». Её беседы с Учителями и их послания стали почти каждодневными, и она говорила: «Я понимаю так, что они будут даваться в большом количестве, и это составит сейчас основную работу моей жизни». Своё назначение в жизни она так определяет в одном из писем 1936 г.: «Я сегодня вдруг ясно ощутила, что всё-всё, что есть в моей глубине прекрасного, – не моё. Оно принадлежит всем тем, которые сейчас

должны стоять на трудных местах, которые должны крепко держаться, которые не могут подобно мне погрузиться в день, как в объятия любимого. И чтобы им жилось светлее и радостнее, я коплю в себе силы, я коплю в себе любовь, чтобы всё это расточить, опустошить в великом восторге отдачи».

24 мая 1955 г. она запишет:

На качелях весны качается сердце

Вверх – вниз,

Вверх – вниз...

С каждым полётом вверх –

Радость раскрытья.

С каждым полётом вниз –

Радость отданья...

Тихо колыхнется сердце,

Сладки мгновенья полёта...

Радость раскрытья,

Радость отданья...

Вверх – вниз,

Вверх – вниз.

Быть сознательным творцом своей жизни, постичь сущность своего высшего Я, понять своё назначение в этом мире и нести радость и свет людям было основным лейтмотивом её жизненного пути: «Вы должны помнить, что вы – сосуды, через которые проливается свет в мир, и всякое радостное и светлое движение вашей души будет вызывать ответные вибрации в окружающих вас». Из блокадного Ленинграда в феврале 1942 г. она писала мужу на фронт: «Какая-то страшная жизнь!словно всё сдвинулось с места, всё стало звучать иначе, сдёрнута всякая позолота, вся фольга, и теперь обозначилась истинная сущность всего, чаще всего жестокая, ужасная, невыносимая... И это показывает, как малого мы достигли и как “словечки” оказались бесплодны! И всё же собираем в своём сердце крохотные кусочки истинного и молим Жизнь сохранить их в своём сердце, не расплескать последнего». В декабре 1956 г., когда жить ей оставалось всего два месяца, она получает послание, слова которого как бы подводят итог её жизненного пути:

Свет незримый в её сердце неугасим, и он вечно с нею. Слияние её света со Светом Высших будет всегда, всё время разрастаться в постепенности. И наконец зальёт её всю, не оставляя места ничему иному. Свет! Свет! Свет! – Вот, что ей завещано. Будет ли она видеть земными очами ту радость, которая зажжена перед её духовным взором, – это не существенно. Важен этот глубокий внутренний Свет, который уже светит в ней, которым она умеет уже владеть, направляя его не только на себя внутрь, но и вокруг себя. Чем шире будет круг её света, тем больше внутренней радости откроется ей. Пусть поймёт, что в мире форм всё изжитое ею стало как бы тем материалом, на котором разгорелся костёр её Света. В мире живущий – свету приобщается. Мир миру её духовному и физическому!

Ольга Борисовна Обнорская, урождённая Добрышина, была родом из дворянской семьи. Она родилась 28 октября 1892 г. в Москве. Её отец Б. Добрышин был очень образованным человеком, остроумным, весёлым, бесшабашным и легкомысленным. Мать, Надежда Ивановна Добрышина, воспитывалась в Мариинском институте благородных девиц. Вышла замуж она сразу же после окончания института, тогда ей ещё не исполнилось шестнадцати лет. Разрешение на брак пришлось испрашивать у архиерея. У них родилось трое детей: Сергей, Владимир и младшая Ольга (Ляля). Но семья распалась, и отец уехал в Гатчину, где и скончался в 1915 г. С 1908 по 1910 год Ляля жила у него в Гатчине. Её мать вышла замуж вторично, и от этого брака имела ещё двух сыновей: Владимира и Арсения Батуевых. Ляля так же, как и её мать, воспитывалась в Институте благородных девиц, а братья в кадетских корпусах. Учились все блестяще. Ляля и её двоюродные сёстры, дочери сестры-близняшки её матери – Софьи Ивановны Волынской – с детских лет писали стихи, поэмы, рисовали. Вся молодёжь с большой нежностью и любовью относилась к Софье Ивановне, называя её «Солнышко». Со своей матерью Ляля не была внутренне духовно близка. Братья очень любили Лялю и даже на балах с трудом уступали свою сестру другим кавалерам. Братья Добрышины были умны, талантливы и красивы, прекрасно играли на фортепьяно. Владимир Добрышин был в свите великих княжон. Он и братья Батуевы погибли в гражданскую войну. Старший брат Ольги Борисовны Сергей Добрышин, был инженером-мостостроителем, участвовал в войне 1914 г., был ранен и, оставшись на лечение в Швейцарии, невольно оказался в эмиграции, умер он в Тунисе около 1960 г. Ольга Борисовна так вспоминала в письмах о своём рождении: «Я всегда чту этот день, когда я впервые пришла в мир. Говорят, что я не плакала и не спала, а всё рассматривала кругом с любопытством». По воспоминаниям близких Ольга Борисовна с ранних лет отличалась независимым характером: «...напоминала кошку, которая “гуляет сама по себе”». Она росла очень живой и жизнерадостной девочкой, но сама она так вспоминала о своих детских годах: «Я была ещё крошкой, когда запиралась одна и радостно думала, что “хорошо, что никого нет возле”». Когда одна знакомая её матери сказала про Лялю, что та вырастет некрасивой, девочка подошла к зеркалу, долго себя рассматривала и вдруг с гордостью промолвила: «Ну и что, зато я буду умной!»

Все родственники Ольги Борисовны скептически относились к, так называемым, «Лялиным чудесам и к её потусторонним увлечениям». Близка Ольга Борисовна была, несмотря на большую разницу в возрасте, лишь со своей двоюродной сестрой Верой Алексеевной Волынской. В. А. Волынская сначала увлеклась индийской философией, но потом обратилась к православию. В возрасте 20 лет Лялю выдали замуж за богатого купца Попова; этот брак был заключён не по любви, но дал Ольге Борисовне некоторую самостоятельность и независимость. Сразу же после замужества Ольга Борисовна устроила в своём московском доме литературный салон, который посещал иногда и Маяковский. Её пригласили работать в частный театр, она рисовала художественные этюды, привлекавшие насыщенностью света и воздуха, писала стихи.

У неё родился сын Гоша, он погиб на фронте в Отечественную войну.

Когда ей было около 30 лет, она вторично вышла замуж за Л. С. Всеволжского. Они были вместе до 1936 г., события которого так резко изменили всю её жизнь. В письмах 1936 г. она писала о своём втором муже: «...Наша любовь была незаурядной, и он никогда не может оставаться мне чужим...» или «...Я очень страдала, прощаясь с ним... Я уже оторвалась от него и знаю, что всё, что было пережито с ним, – это прошлое». Отсутствие духовного родства с Л. С. и близкими делало её жизнь в их окружении сложной, и по её признанию «...расставание это было неизбежно. Теперь я могу всецело быть тем, что я есть, не таясь и не искажая своего облика». Они до конца оставались добрыми друзьями.

Весной 1936 г., по-видимому уже не в первый раз, она приехала в Гуарек. Встречи и беседы с Учителями, оформление этих бесед в виде поэтической рукописи «Сад Учителя», а также знакомство и встречи с А. Н. Обнорским оказали большое влияние на её дальнейшую жизнь. В своих письмах осенью 1936 г. к А. Н. Обнорскому, своему будущему мужу, она писала: «Я себя ощущаю иной, чем была весной, словно века пролетели над моей головой и словно во мне отболела и умерла целая часть моей жизни и из всех этих развалин появился... цветок...» В этих же письмах она вопрошает его: «Боитесь ли Вы последовать за мной? Или, вернее, нам обоим последовать за нашей судьбой. Учитель повелел мне самой вопрошать Жизнь, а не ждать, что кто-то будет её решать». И в другом письме: «Ваша любовь помогла мне уйти ещё дальше и невозвратимее оттуда, где нет места моему внутреннему Я. Вы мне нужны как друг, охраняющий цветок моего сердца, который есть основа моей жизни, и Вы – охранитель её». Связь с Учителями продолжалась всю её последующую жизнь. Последнее её посещение «Сада» заканчивается так: «Встань на колени, – сказал Учитель, – и я благословлю тебя на великое счастье, на великую муку и на свершение...» В октябре 1936 г. после беседы с Учителем она записала такие Его слова: «Надо иметь мужество, очень много мужества, я бы сказал, отваги и огня в сердце, чтобы без прикрас встретить все эти трудности пути». Они оба вступили на этот путь, и трудностей впереди оказалось действительно много, но их глубокая любовь, преданность общему делу, мужество и устремлённость к Высшему – всё это помогло им выстоять до конца. Бракосочетание состоялось в декабре 1936 г. Брак их был духовный, и до конца своих дней они относились друг к другу с большой нежностью. А. Н. Обнорский снял комнату у своего друга Г. В. Шталя на Фонтанке, куда и привёз свою «синюю птицу»; там она встретила войну и блокаду. О начале войны Ольга Борисовна узнала в поезде, возвращаясь в Ленинград из Лазаревской. А. Н. Обнорского отправили на Ленинградский фронт, и Ольга Борисовна осталась в Ленинграде, чтобы быть рядом и, может быть, хоть редко, но видаться или получать от него весточки. В октябре 1941 г. его перевели на Волховский фронт, и встречи стали практически невозможны, occasions с весточками очень редки, почта работала плохо, и она осталась одна, страдая от невзгод, борясь с собой и надеясь на встречу. В те дни она писала мужу на Волховский фронт: «...Сегодня почему-то особенно грустно на сердце. Пушки грохочут не переставая. Как страшно сейчас жить! Как страшно... И знать, что всё это плод наших деяний и что вся эта ненависть – порождение наших сердец... (27.10.41) ...Сердце всё плачет и плачет и не может успокоиться.

не увижу тебя? И меня зашьют голую в рогожку и потащат как бревно в общую яму в объятия чужих мертвецов. Не хочу, не хочу! Алёша, спаси меня! Вырвись, отзовись, приезжай за мной! Без тебя я не уеду. Я должна тебя видеть. Ведь во имя тебя, мой Алёша, я терплю всё это! Я должна тебя видеть! Я выстрадала это право! И я люблю тебя невыносимо!»

И зов её был услышан: муж приехал, чтобы спасти её, и третьего марта 1942 г. из поезда на Вологду она уже напишет ему: «...Мои отёки сходят. Только сейчас я вижу, как сильно было отёкшим лицо и руки. Чувствую себя бодрой и спокойно принимаю всё... Как быстро пролетела наша встреча! Как мало мы были вместе! Это как сон...» Из Вологды на санитарном поезде она благополучно доехала до Перми, где прожила в семье отца мужа – Н. П. Обнорского, до весны 1943 г. Жить было легче, чем в блокадном Ленинграде, но всё равно тяжело. Н. П. Обнорский был заведующим кафедрой иностранных языков Пермского университета и поэтому продуктовую карточку имел не рабочую. Семья была большая, жили в холодном бревенчатом доме. В июле 1942 г. у дочери Н. П. Обнорского родился сын, продукты приходилось обменивать на молоко. Очень давила тоска по мужу. Она писала ему: «Я хочу жить к тебе поближе! Ах, Алёша, как тревожно мне за тебя! Мне ничего не нужно в жизни – только ты. Жить нам вдвоём, в полном понимании друг друга и помощи друг другу, а через нашу любовь давать свет кругом всем, кто вступит в неё». В этот период она так оценивает своё назначение в жизни: «Я крепче и глубже начинаю понимать, что я могу дать людям. О, очень малое или огромное (это зависит от них!), но слово одно: Радость. Вне этого я не хочу жить. Я должна быть чистой, как листик берёзы, вымытый утренней росой. Яркой, как луч солнца в полдень, и светлой в каждом своём проявлении. ...Я прожила жизнь и шла по грязи много раз, но сердце я сохранила и потому осталась чистой». Из Перми она переписывалась со своими родственниками и друзьями, которые были разбросаны войной по всей стране: «Все пишут, что плохо живут, но как помочь?» Большую часть денег, которые получала по аттестату как жена военного, отдавала в семью, остальные – рассылала. В начале 1943 г. она делает попытки получить через военкомат разрешение на переезд из Перми в деревню на Запад, ближе к фронту, надеясь, что так будет легче встретиться с мужем. Пермь была закрытым городом, и присланных мужем из военной части документов оказалось недостаточно, чтобы получить разрешение и приобрести в железнодорожной кассе билет на выезд. Время шло, получение необходимых документов затягивалось, и Ольга Борисовна решается пешком уйти из Перми. Она была очень мужественным и сильным человеком. Ещё стояли морозы, в лесу лежал снег, кроме того, на ноге у неё была незаживающая трофическая язва, но всё это её не могло остановить. Подробности её пешего перехода (от Перми до Буя около 900 км) неизвестны, но дальнейшая её переписка с мужем идёт с мая 1943 г. из деревни Починок Ярославской области. Деревня эта находится в 18 км от поселка Сусанино на реке Шача, между Костромой и Буюем. Жить было по-прежнему тяжело: «...у меня нет ни крошки хлеба и нет муки... С карточкой хлебной, конечно, не торопятся, и когда выдадут хлеб – неизвестно...». Кроме того, постоянно нужны были дрова; получить их через сельсовет оказалось практически невозможно, и приходилось почти каждый день ходить за ними в лес, зимой на

лыжах. А. Н. Обнорский в это время был на Волховском фронте в должности начальника штаба артиллерии дивизии, и летом 1943 г. им удалось провести несколько дней вместе в деревне. Летом она перешла жить из избы в сарайчик, «продуваемый ветрами». Часто уходила в лес, на реку, рисовала этюды, собирала грибы и ягоды. Заучила на память несколько (7–8) гимнов Шри Рамакришны и распевала их, бродя по полям:

О, когда в моё сердце войдёт
Божественная Любовь?
О, когда воспою Твоё имя
И слёзы прольются из глаз?
О, когда, о когда моё сердце
Очистит, Господь, Твой Огонь
И спадут с меня цепи желаний,
И рассеется мрак очей?
О, когда я увижу мир,
Весь проникнутый только Тобой?
И ниц я паду на пути
Божественной Любви!
О, когда? Боже, когда?
О, когда!..
(Гимн 5)

Очень хотелось ей вернуть себя в прежнее состояние Радости. В марте 1944 г. она писала мужу: «Я думаю, что эта полоса “безволия к жизни” должна скоро пройти и я снова буду полна Радости». Несмотря на трудности с бумагой, она отредактировала и переписала в одну тетрадь свои стихи (их оказалось около 150) и беседы с Учителями за 1941, 1942 и 1943 гг. В это же самое время она писала мужу, что получила письмо из Тарусы, где ей сообщают, что «...Кора (К. Е. Антарова) пишет какую-то необыкновенную повесть, которая всех приводит в восторг. Интересно бы нам её почитать. Вообще я очень хотела, чтобы ты познакомился с Корой, мне интересно твоё впечатление».

Здоровье её в это время сильно ухудшилось: к болезням ноги и сердца добавилось катаракта, она не видела одним глазом, а в условиях деревни ей ничем не могли помочь, так как требовалась операция, которую могли сделать только в городской клинике. В феврале 1944 г. А. Н. Обнорского перевели на Ленинградский фронт, и с января 1945 г., будучи назначенным преподавателем тактики в Высшей офицерской школе, он стал усиленно хлопотать о её возвращении в Ленинград. Несмотря на необходимость операции и его звание (полковник), это оказалось нелёгким делом. Сначала ей было разрешено только временное проживание в Ленинграде. Но в 1947 г. они наконец получили свою первую квартиру на ул. Радищева. Привязанности к вещам она не имела и даже при переезде в 1936 г. из Москвы привезла с собой как семейную реликвию лишь зеркало в серебряной оправе. По её признанию, на её долю выпало всякое: от жизни во дворцах до существования нищенки.

После войны восстанавливалась Россия, восстанавливался Ленинград, возвращались те, кто уцелел. Их дом стал культурным центром, где собирались по вечерам свободомыслящие люди, в том числе члены разгромленного

Теософического общества, из Ленинграда, Москвы и других мест. Пили чай, беседовали на философские темы, а это вызывало подозрение. Чтобы собрать на них материал, были использованы стандартные методы: взлом квартиры во время их отпуска с целью установки подслушивающих устройств, внедрение в их круг сотрудника МГБ, дворник тщательно вела перепись всех лиц, посещающих квартиру, – всё это открылось на допросах. Арестовали их в марте 1953 г., квартиру опечатали, изъяли её рукописи и некоторые книги. За время заключения многие её рукописи, включая стихи и передачи Учителей оказались утерянными. Остались те этюды, которые она раздарила, рукопись «Сад Учителя» и небольшая часть стихотворений. Поскольку следствие велось уже после смерти И. Сталина (вскоре был арестован Л. Берия), а также благодаря своей эрудиции и памяти А. Н. Обнорский смог убедить, что в их деятельности не было ничего антигосударственного, и через шесть месяцев их освободили. Судимость оставалась, и полную реабилитацию А. Н. Обнорский смог получить только в конце 1956 г., когда Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор военного трибунала Ленинградского военного округа от 25–28 августа 1953 г., и дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Только в конце февраля 1957 г. он получил уведомление о восстановлении звания и возвращении правительственных наград. Этот период жизни был для них трудным, они были бесправны, а А. Н. Обнорский – ещё и без работы. Всё это подорвало и так слабое здоровье Ольги Борисовны, и 18 февраля 1957 г., в день, когда родился почитаемый ею Шри Рамакришна (1836–1886), она ушла из этой жизни, которую, несмотря ни на что, она так любила. Ещё в 1936 г. она писала, что «не боится умереть, так как познала, что такое счастье». Ольга Борисовна точно предсказала дату своей смерти за несколько лет до того, как она случилась, а в декабре 1941 г. из блокадного Ленинграда написала о ней: «...Она старая знакомая, и я верю, что её прикосновение будет любовно и нежно. Недаром она дала мне букет роз...» А. Н. Обнорский оставался верен её образу жизни, её идеалам, стремлениям, её стихи всегда были с ним. Он сумел сохранить большую часть её писем. После её ухода 19 лет прожил он, держа её руку, смотря ей в глаза и сохраняя в сердце её нежный цветок, телепатическая связь между ними не прекращалась: «Всё, что существенно, находится в глубинах и тайниках ваших сердец, и никто этого не может раскрыть в вас, пока вы сами не созреете настолько, чтобы получить своё богатство, хранимое в вас веками. Одолеть себя – это значит понять истинную сущность бытия, которая стремится не к разобщению, а к единению. И тогда та маленькая, полная эгоизма жизнь личности уступает место сверхличности, которая неукротимым потоком мчится к Великому Океану Жизни, чтобы, слившись с ней, выразить своё назначение».

Г. Обнорская

Мои воспоминания об Ольге Борисовне Обнорской

Это скорее воспоминания о счастливых днях моей юности, когда царила в душе безмятежность и ожидание чуда. Южное солнце, синее небо, шершавые тёмно-зелёные листья инжира и винограда, блестящие листочки гранатового дерева, треск цикад делали воздух плотным. В этом мареве висели огромные

голубые и розовые шапки гортензий; клумбы были так велики, что казались озерцами с розовой и голубой водой. Всё контрастно без полутонов и сомнений.

Воспоминания об Ольге Борисовне, милой тётке Ляле, слились с тем волшебным краем и моими 15 и 16 годами. Сама же тётя Ляля, как с портрета Левицкого – кудрявая головка, повязанная ленточкой, улыбающееся лицо и глаза, которые излучали столько любви ко всему и всем живущим рядом с ней.

Весь её облик был лёгкий, радостный, всегда с улыбкой и немного таинственный.

Я никогда не видела её раздражённой или недовольной чем-либо. Мы гуляли по саду или сидели у горного ручья, который грохотал за их домиком. Ольга Борисовна с Алексеем Николаевичем снимали много лет подряд сарайчик у чудесной старой женщины, худой и очень высокой, с лицом добрейшей колдуньи.

Ольга Борисовна была прекрасным мотыльком на этом празднике цветов, яркого голубого зноя и звенящего горного потока.

Меня приглашали в дом. Стоило закрыть дверь их комнатки – становилось прохладно и тихо. На меня смотрели дивные таинственные лица Великих Учителей. Я не решалась задавать вопросы, было значительно и таинственно. Мне казалось тогда, вернее это была уверенность, что я всё понимала. Безмолвие было созвучно моему сердцу.

Иногда мы говорили о Кришнамурти, мне нравилось его тонкое, красивое лицо. Тогда же тётя Ляля подарила мне его портрет.

Как-то Ольга Борисовна рассказывала мне о днях своей молодости, тогда она жила в Москве. У неё собирался поэтический салон. Мне запомнилось, как В. Маяковский, приходя, ставил свой чёрный цилиндр посередине гостиной (он в ту пору увлекался футуризмом), это повторялось не единожды. В те годы я не видела, чтобы тётя Ляля занималась бытом, не могла представить её у плиты. Казалось, что эта сторона жизни никогда не касалась её. Она ничему меня не учила, но оставила в душе бесконечное чувство благодарности за Встречи с ней, Радость общения.

Она была частью окружающей её природы и чистого и высокого звучания Жизни.

Беклемишева А. Е.

ПИСЬМА О.Б.ОБНОРСКОЙ

1936

12.09.36

Я сижу на берегу и чувствую себя смятенной. Бушует море. Надвигается справа тёмная синяя туча. Местами её прорезывает солнце и старательно просовывает в скважину, где только может, лучи... А надо мною ясная бирюза неба, как обещание счастья...

Я чувствую себя смятенной... Словно что-то надвигается на меня, я хочу остановить это, но это не остановимо. <...> ...Это налетело так внезапно и так сильно. Сейчас я была у У. (К. Х.), и то, что Он сказал, ещё больше смутило меня. (Солнце прорвало тучи и решительно белым лучом озарило море.) У. сказал между прочим: «Когда надо разрушить старое, уже негодное, мы иногда сеем новое». Я после Вам напишу обо всём. (Боже! Какая красота на море! Какое сияние в небе и сверкание в воде! И всё это так близко сердцу сейчас: и тучи, и свет, и неба бирюза...) <...>

18.09.36

<...> Ах, слишком, слишком много любви вдруг! Я понимаю, что всё это восхищение относится не ко мне, а к тому, что через меня идёт, но всё же как мне быть? Куда девать глаза, руки, губы, чтобы они не улыбались, как мне поступить со всей этой личностью, которую собираются лелеять, холить и любить... Ах, слишком много любви! Мне хочется убежать, спрятаться ото всех и от самой себя. Как мне быть? Я боюсь, что лишусь этого глубокого напряжения сердца, лишусь какой-то суровости вокруг себя. Мне часто бывало трудно, но я говорила себе: «Так и надо! И нечего заноситься!» А тут вдруг я чересчур избалуюсь. <...>

19.09.36

<...> Я пишу Вам, сидя у моря, после того как я побывала у У. на терраске. Теперь я знаю его волю. Мой дорогой, что мне ещё сказать Вам? В моём сердце зародился цветок, и он расцвёл так неожиданно, и так нежно, и благоуханно, что я поражена, взволнована и счастлива... <...>

Ваша Л.

20.09.36

Только что вернулась из сада У. Догорает закат, совсем алый... Небо прозрачное, и прямо против меня молодой месяц. В небе кое-где, как чёрные лебеди, плывут чёрные облака. Мне хочется сказать Вам несколько слов, хотя я дрожу от холода, но в комнате слова уже будут иными, чем здесь на берегу моря...

Я возвращалась из Лаз. от наших. Они обе друг перед другом ласкают меня всем, чем могут. Ваше имя часто произносится нами.

Я сейчас поняла, что мы обещаны друг другу. Вот отчего это развёртывается с такой удивительной скоростью. Мне незачем жеманиться и

кокетничать с Вами, всё это гораздо больше и сильнее, чем обычные чувства. Вот почему мне удалось победить себя, и вот почему разлука с Л. С. состоялась. Произнесены где-то обеты... не нами, может быть. Я сегодня весь день так была взволнована внутри себя, мне всё казалось, что это чувство к Вам помешает мне сосредоточиться на том великом, что я хочу. Теперь ясно вижу, что это не помешает, а, наоборот, даст мне те силы и раскроет те стороны моего сердца, которые были задавлены. Я верю Вам. Вы мне нужны. У меня в сердце так много нежности к Вам, что, я думаю, оно сумеет дать Вам счастья. Кажется, такие слова надо говорить Вам первому, но разве в словах дело? Особенно когда Вы и я обещаны друг другу. Это всё было неизбежно... Во мне словно улёгся мятежный ветер, который дул в сердце горячо и страшно. Мне тихо. Я сижу на песке. Мне холодно. Сильно стемнело. Я еле вижу бумагу. Но месяц как цветок, и сердце у меня светит так же чисто сейчас и ясно, как этот месяц... Обе мои руки легли Вам на плечи, и я смотрю без улыбки Вам глубоко в глаза. И в этом взгляде всё.

Л.

21.09.36

Сегодня я водила на гору Ф. и Г. На самом верху горы открывался дивный вид на море. Там мы говорили и читали. Я Вам посылаю те мысли, которые прошли там через моё сердце:

Величие сердца во всём. Умейте вносить в день ваш стойкую и мужественную радость. Ту радость, которая раскроет в вас Жизнь, если вы последуете за ней. Не торопитесь. Не увлекайтесь стать сверхчеловеками, мудрецами, но там, где вы стоите тихо и незаметно, раскройте всю полноту вашего понимания. Очень важно, чтобы сердце ваше не усохло, а всегда трепетало и горело. Только в его постоянной напряжённости и трепете та сила Жизни, которая способна творчески раскрыться в вас и через вас пролиться в Жизнь. Ищите горячо. Не препятствуйте ничему тому касаться вашего сердца, что даст вам радость, экстаз. Пусть это будет боль страдания или песня счастья – сумейте постигнуть их самую драгоценную глубь и в этом живите.

Кришна

Всё. <...>

22.09.36

<...> Сегодня мы сидели на горке все втроём, и вдруг я почувствовала трепет в сердце. Взяла карандаш и записала стихи и передачу У. К. Х.

И дни, созревшие глубоко,
Прорастут... И будут дни,
Как зёрна полноценных
И тугих колосьев...
Всем дано прозреть,
Но только те прозреют,
Кто прорастут сквозь сердце,
Разбивши личности

Изжитой скорлупу.

Передача:

Найди в себе силы и запомни: там, где встала Наша Власть, и там, где взоры Наши видят, – там людское зрение слепо. Тебя ведут те, кто знают: туда, куда надо, и так, как надо. Жизнь, преданных Нам детей, объединяет и даёт новый свет в мир. Верь. Жди. Мир сердцу!

У. К. Х. слово дал через *Нуми*.

⟨...⟩ *Ваша Л.*

23.09.36

⟨...⟩ Прочтите в последних передачах моего блокнота, что сказал У. о том внезапном цветке, что расцвёл в моём сердце. Конечно, это они по своему великому милосердию послали его, чтобы он закрыл мне взоры туда, куда я больше никогда не вернусь. Вы должны были бы сидеть сейчас тут около моих ног и смотреть вместе со мной на эти дали, на эти горы... Вы с каждым днём мне делаетесь роднее и ближе. Почему? Потому что мы уже не в первый раз встречаемся, наверное, и потому что Вы мне нужны для полного расцвета моего внутреннего счастья. Вы мне поможете открыть и выявить в себе то, что самое ценное. ⟨...⟩ И вот я думаю, что всё это прекрасно, но какой сверкающий ореол придают мне все мои «передачи»! Может быть, и Ваше чувство ко мне не расцвело бы так, если б Вы увидели во мне только ⟨...⟩. Хорошо, что Вы – это Вы, и я больше ничего не жду от Вас кроме того, что Вы из себя представляете. Мне иногда кажется, что я гораздо, гораздо хуже, чем можно обо мне думать. Вы светлый, а я? Ну, ничего! Около Вас я сделаюсь светлее. Я люблю Вас.

Л.

25.09.36

А не знаешь, что от единой мечты твоей родятся бури?

А не знаешь, что от иной единой чистой мечты родятся бури?!

Е. Гуро

Да... родятся бури иногда от одной чистой мечты, от единой чистой, чистой мысли, возникшей в чьём-то сердце и вызвавшей в другом сердце бурю. К чему это предисловие? Ни к чему. Так. Я открыла наугад книгу Гуро и вот прочла... и задумалась... Наверно, это всё тоже на тему о ручье и потоке... Мне грустно! Отчего? Не пойму сама. Я не люблю, когда от Вас нет долго писем. Тогда я ощущаю какую-то темноту, в которой я шарю руками, а меня покинули. Я не люблю, когда Вы мне долго не пишете. Отчего это, жило-жило себе сердце, шло своими путями, начертанными ему, пело, плакало, любило, страдало и вдруг заново рождается, словно умытое утром дитя, чистое и безгрешное и начинает свою жизнь сначала... «Начни сначала...» Нет, я дерзостно хочу молить не начинать «сначала». Пусть всё будет по-новому, совсем-совсем по-иному. Я не знаю, как всё это будет, и Вы не знаете. А от нас зависит всё. Но только это всё такое нежное, такое ещё хрупкое, что требуется буквально какое-то нездешнее чувство. По крайней мере, это мне так кажется. У меня очень развилась восприимчивость, и мне больно может быть даже от

мысли, которую подумали, но не сказали... И вот сердце уже не своё, оно протянуло лучи... И всё оно протянулось в этих лучах... И прошла по этому звёздному мосту любовь и сказала: «Вот вы теперь двое, но скоро вы будете одно. Сумейте понять это и не опорочьте своё счастье недоверием, ибо Я – любовь – говорю Вам, что там, где Я связала, не люди развяжут». Вот что Она мне сейчас сказала, а я передаю Вам. Вы слышите меня? Как всё тихо, тихо... Ещё очень рано, но у нас в 9 часов уже глубокая ночь. Все спят. Даже Лили спит, приткнувшись возле меня. А мне не хочется. Над Гуареком стоит большая луна, как серебряный ковш, а вокруг него большой радужный круг; говорят, это к холоду.

Скажите, Вы любите меня? Скажите мне, как Вы любите? Имейте в виду, иногда можно тысячу раз говорить «люблю», и всё же этого будет мало... Нет таких слов любви, которых сердце устало бы слушать, когда оно любит, нет таких слов! И наконец, сердце очень нетребовательно, оно довольствуется иногда двумя-тремя словами, но они переливаются и повторяют один и тот же напев, который сердце не устало слушать... Это как в час заката, когда птица в кустах повторяет одни и те же трели, прощаясь с днём... Я не знаю, как мы будем жить, то есть какие дела будут тускло стучаться в нашу дверь. Меня это совсем не интересует. Ту, что придёт в Ваш дом, ведь приведут руки гораздо более мудрые и для совсем иных дел, которые вовсе не свойственны обычно людям... Но это вовсе не значит, что я откажусь быть Вам другом там, где Вам понадобится моя помощь, хотя бы это выразилось в одном любящем взгляде. Мой дорогой, скажите, скажите мне, как Вы любите меня? Очень ли я дорога Вам сейчас? И как бы Вы приняли весть, если б я сказала, что никогда больше не увижу Вас? О, нет! Я увижу и даже больше: я, может быть, смогу положить Вам обе руки на плечи и, притянув к себе близко-близко, заглянуть в глубину Ваших глаз, чтобы найти в них... себя! И может быть, даже у Вас найдутся для меня те слова, которые Вы хранили для меня века... Нет, я не знаю, что будет! Но одно я знаю, что Вы живёте в моём сердце, и огненный цветок готов раскрыться, и он должен будет закрыть собой весь мир и всех людей, когда придёт его час полного расцвета и пламя его обожжёт Вашу душу. Когда это будет? Об этом нам скажет любовь. Я отпускаю Вас. Покойной ночи! Серебряный ковш луны затопили тучи, он ещё проливает слабые струи света, но туч много, а он одинок...

Л.

27.09.36

«Astra inclinant non necessitant».

И пришёл вечер... И зажгли свечи... И розовые язычки огня осветили комнату. И по комнате заплясали тени и, собравшись где-то в углах, робко созерцали свет... И сразу потемнело окно и ушло куда-то небо и облака... День кончился. Он проплыл мимо меня! Я весь день лежала в постели с забинтованной ногой и смотрела в открытое окно, где виднелся кусочек моря и нежное осеннее небо, озарённое солнцем. Сегодня так трудно и тоскливо бьётся сердце, как птица с переломанным крылом, вдруг забьётся в каком-то безумном трепете, то вдруг снова поникнет безвольно, и кажется, что она уже не дышит... Около меня стоит букет. Белые нежные цветы, распустившиеся второй раз

осенью! Их хрупкая и нежная прелесть принадлежит весне, но они расцвели осенью.

Сегодня тоже не было писем. Где-то выплывает, как луна из-за гор, число и день моего отъезда туда, откуда нет писем, где, вероятно, меня забыли и где уже разлюбили... И я говорю себе: «Синяя птица, синяя птица, не лучше ли тебе никуда не ехать?.. Там, может быть, вовсе ты не покажешься такой синей? И может быть, ты будешь совсем нелепа и не сумеешь быть такой ручной и благообразной, как надлежит всякой разумной домашней птице? Ах, синяя птица!»

Но она молчит. Её крылья слабо опущены, она смотрит в тоске пустыми глазами и молчит. Она больна. Ну что же, и опять вечер перейдёт в ночь, когда будет зажигаться и тушиться бессонная свеча и опять надо будет долго, долго наблюдать лунные пляски за окном, отгоняя упорно обступающие со всех сторон мысли, и наконец засыпать, чтобы, вздрогнув, просыпаться и начинать всё сначала. «C'est la vie!» Как говорила в детстве моя француженка. Да... c'est la vie!

Но сегодня ночью, когда сердце от боли, казалось, уже запеклось кровью, ясно слышала голос, и он сказал: «Не бойся быть с тем, в ком вызваны Нами слёзы радости и благодати. Мы дали ему – тебя, а тебе – его. Имейте силу понять величие сказки, вложенной в день ваш. Пребудьте светлыми. Намечая себе пути, пройдёте рядом и там, где одному дано, дано обоим познать, и там, где один возвеличен, – оба возвеличатся». И я всё записала, чтобы утром не забыть. «Ну и что же! Чего же ещё?!» – спросите Вы. А я Вам отвечу: «Когда сердце любит не только божественной, но и человеческой любовью, то иногда маленький клочок бумаги, на котором торопливой рукой написаны два-три слова, возвращают сердце к жизни. Вот и всё».

Л.

29.09.36

Сердце верное, знай,
Ждать длинней, длинней морской
травы,
А верить легко...

Е. Гуро

Можно? Можно мне подойти к Вам в тишине, тихо, тихо посидеть около Вас и уйти, оставив за собой запах моря и тишины одинокого вечера, увенчанного яркой звездой моего сердца... Можно войти мне? Сегодня день прошёл в такой нежности, такой лаской овеял душу и одиночеством... Тем одиночеством, в котором дрожит сердца струна и на ней Вечность играет свою мелодию. Он словно обнял меня, погрузил в свою мягкую глубину и вот, угаснув, возвратил вечеру омытую тишиной, умиленную, светлую. Вот эту тишину я сейчас несу Вам. Все слова стоят покорные и тихие и ждут, которые из них выберу, которые будут достойны передать Вам великую тишину моего сердца. Я сегодня вдруг ясно ощутила, что всё, всё, что есть в моей глубине прекрасного, – не моё. Оно принадлежит всем тем, которые сейчас должны стоять на трудных местах, которые должны крепко держаться, которые не могут подобно мне погрузиться в день, как в объятия любимого. И чтобы им жилось

светлее и радостнее, я коплю в себе силы, я коплю в себе любовь, чтобы всё это расточить, опустошить в великом восторге отдачи. Это я поняла сегодня, когда день склонялся уже к вечеру, а по небу побежали розовые облачка. И я смотрела на них и произнесла обет, обет верности своему сердцу.

Вам послано мною много писем, Вам послано мною много чувств, и веры, и призывных мыслей. И все они улетели, а я осталась ждать... «Ждать длинной, длинной морской травы...» Иногда силы изменяют мне. Вчера налетел откуда-то очень горячий, очень сильный ветер; он растрепал моё сердце, он нашептал мне злые мысли, родившие в сердце тревогу, сомнение, тоску и многое другое. Я почувствовала себя такой одинокой на краю моря. Я хотела бежать, спрятаться в чьей-то ласке, но никого не было подле меня. И если есть в мире рука, готовая протянуться ко мне, то где же она? И если есть в мире сердце, которое говорит о своей любви и преданности, то почему оно так скупно изливает на меня свою любовь? И возможно ли, чтобы то огромное, что надвинулось вдруг на мою жизнь, отстранив всё, что могло бы ему помешать, возможно ли, чтобы оно, изменив, предало меня? Вот что вчера нашептал мне ветер... Но сегодняшней день пришёл, кроткий и нежный, он разогнал тревогу, он кротко шепнул мне: «Жди!..» И, вздохнув, я сказала: «Буду ждать». И ещё ветер шептал: «Зачем ты пишешь, тебе вовсе не надо часто писать...» Но день сегодня, уходя, шепнул: «Пиши!» Это такое мелкое чувство, которому неуместно быть около твоего сердца. И я пишу Вам, потому что это доставляет мне радость, приносит успокоение, потому что в эти минуты мы ближе друг к другу... И всё же мне этого мало! Я хочу знать, что Вы думаете? Как Вы думаете? Бережёте ли меня в своём сердце? И довольно ли Вам всего этого? Довольно ли Вам получать от меня письма, зная, что у моря жить лучше, чем в городе, и издали благословлять моё одиночество, не делая попыток нарушить его? Ну, а мне безусловно мало двух ваших писем за всё это время, и даже чудесные стихи Кр. не возместили всех этих дней забвения моей жизни... Эти жалобы моего сердца должны Вас только радовать. Я не хочу посылать Вам упрёки, я хочу послать Вам только большую звезду этого вечера и одно маленькое слово, которое дрожит около моих губ...

Л.

1.10.36

Какой чудесный день сегодня! Я пришла на берег моря. Ушла далеко-далеко; устроилась очень уютно на песке под маленьким деревцем в аршин высоты, но оно всё же даёт лёгкую тень. Я принесла с собой много книг и, как видите, даже чернила и бумагу (это уже мысли о Вас!). Принесла с собой тоже Ваше последнее письмо, которое получила вчера, письмо от 25-го лежит возле меня как частица Вашего существа. Сегодня чудесный день! Я всё думаю, думаю и перевёртываю в себе мысли о Вас, обо мне, об этой весьма неожиданной близости, об этом вихре горящего огня, который Вы правильно ощутили в себе. Он горит во мне, полыхая, и я в смятении всё не могу решить, как надо принять его. Гасить ли его и душить или дать ему гореть и принять? Но ведь это, как я понимаю, что-то необычайное. Я здесь вижу не только свою или Вашу волю, а некоторое предопределение, которое поставило нас друг перед другом... Это же не простое влечение друг другу, которое обычно так

просто разрешается. Вы – мой. Совершенно мой. И чтобы так в это поверить, так страшно просто поверить, надо, чтобы сердце что-то видело за грани наших дней. Тогда какие же сомнения могут быть в сердце? Я Вам выражаю ясно и просто свою волю – так, как я это чувствую: мы должны быть вместе. Я знаю, что всё пойдёт навстречу в этом направлении. Бойтесь ли Вы последовать за мной? Или, вернее, нам обоим последовать за нашей судьбой? Я думаю, что с особенной нежностью и осторожностью, чтобы не причинять лишней боли тем, кто были нашими близкими спутниками до сих пор, но надо их посвятить в эту перемену. С моей стороны, это проще, так как я уже свободна. И Ваше имя уже встало между нами. Но прежде всего я хочу слышать от Вас прямо и ясно: хотите ли Вы связать свою судьбу с моей? Верите ли Вы, что я Ваша так же крепко, как я верю, что Вы – мой? Желанна ли я Вам? Это же не просто дружеская встреча. Я ощущаю каждое мгновение такую силу, с которой я не в силах бороться больше. Для моего покоя и равновесия необходимо прийти к ясному и определённом решению.

Откуда прилетает к нам любовь? Что это за сила? Почему она снова так властно встала на моём пути? Вот вопросы, которые я задаю себе и слышу всё тот же один ответ: «Вы обещаны друг другу». Так если же это неизбежно, к чему противиться? И почему прятать за словами то, что всё равно прожжёт все слова, все расстояния и выплеснется наружу. Мне сейчас надо только одно, хочу слышать от Вас: так ли Вы любите меня, чтобы захотеть соединить наши жизни, так ли верите, что это уже где-то скреплено и завершено, а нам предстоит только оформить на земле, и так ли всё Ваше существо стремится ко мне безудержно и страшно, как я стремлюсь навстречу Вам?.. Я не хочу никаких недомолвок, никаких неясностей, я не хочу «играть в влюблённость»... Для меня это стал вопрос жизни, очень важный, который повлечёт за собой много последствий. И я потому ещё сама поднимаю так чётко этот вопрос, что на одной из бесед У. повелел мне самой вопрошать жизнь, а не ждать, что кто-то будет её решать. И я «вопрошаю» ясным, громким голосом, и я гляжу прямо в глаза моей судьбе, не испытывая никакого ложного стыда за мою смелость, и я жду такого же решительного ответа. Я бы хотела, чтобы и это письмо было бы Вам легко читать и чтобы всё, что я Вам пишу, нашло бы отклик в Вашем сердце...

День клонится к вечеру... Скоро 5 часов. Эти дни я не пропускаю часы. В сердце тишина. Я уже стала совсем шоколадная от солнца. Уйду отсюда, когда солнце уйдёт в море, и унесу с собой тишину сердца и солёные губы.

Ну вот и окончен день... Зажглась лампа. Я перечитала и переписала всё, что было собрано за день. Чудесно всё! У меня уже начата седьмая книжечка. Я Вам посылаю свой блокнот. Там плохо написано, не знаю, разберётесь ли... Но там есть много существенного для нас с вами. В сущности, мне не надо было бы посылать этого письма. Вы сами могли бы написать и даже, может быть, пишете что-либо подобное, что написала вам я. Но во мне словно разрывается динамит, и я не могу оставаться ни инертной, ни спокойной. Никто не может решить нашу судьбу – только мы. Детали все устроятся, я об этом не волнуюсь. Мне важно знать: действительно ли это огонь с неба или это призрачный огонь с болотной трясины, который может, завлекая, увлечь в трясину... Нет, нет!

Возможно ли тогда, чтобы У. говорили об этом огне? Нет, я отказываюсь даже думать так.

Вместо чудесного стихотворения Кр. я Вам посылаю другое, оно не из лучших, но сейчас звучит моему (и вашему?) сердцу.

В тёплых руках весеннего ветра
Качаются цветущие яблони...
И душистая бело-розовость лепестков,
Как снег, проносится в воздухе.
В тёплых руках твоих, о Возлюбленный,
Качается моё сердце, как яблоня.
И словно лепестки её, летящие в воздухе,
Летит моя Радость за Тобой!

Ваша Л.

P.S. Сейчас ночь, я проснулась от какого-то счастья... И я ясно ощутила свет в области сердца. Он ещё очень слабый и нежно-персикового цвета. Но это меня наполнило таким ликованием, что я не могу заснуть. И вот Вам, родному и близкому, я хочу сказать первому об этом счастье. И значит, моя любовь не грешная, значит, она действительно «огонь с неба», если при ней расцвёл цветок моего сердца. Об этом не говорите ещё никому. Но у меня к Вам просьба. Когда получите это письмо, и если оно зазвучит в Вашем сердце и Вы согласны с выраженной мною волей, то Вы пришлите мне телеграмму, хотя бы одно слово: да! А если не согласны, то не присылайте... Но не может быть, чтобы Вы были не согласны?! Я жду и телеграммы, и письма, и я жду, жду нашего счастья!..

Ваша Л.

2.10.36

Это не письмо, это мои творческие мысли, которые я посылаю Вам. Так вот что пришло в моё сердце:

Надо иметь мужество, очень много мужества, я бы сказал, отваги и огня в сердце, чтобы без прикрытия встретить все трудности пути. Надо ли говорить, что всё это готовится не одним годом жизни или даже всей жизнью, а веками, когда выковывается в сердце эта железно-огненная устремлённость, когда сердце готово вступить в общую цепь и знает, для чего оно бьётся в мире. Надо иметь чёткую и тонкую установку (цель!), надо понять своё назначение в жизни, надо уметь вовремя закрепить брошенные тебе У. слова, намёки слов. Надо найти в себе возвышенную приподнятость и трепет чувств, холодную и мудрую сдержанность ума и ледяное спокойствие там, где вопросы касаются духовных глубин. Только тот, кто в себе имеет силы на такое мужество, может рассчитывать встать в ряды истинно идущих. Вихрь, взлёт, гром, сверкание молнии, порыв – всё это экстаз, длящийся мгновение или века, но он проходит, и сердце опять погружается в страшный опыт повседневности, когда, казалось бы, нет ничего, что придало бы сердцу силы для взлёта его творчества. И тут нужно мужество, тут нужно, не выпуская из рук оружия, бороться, бороться

с собой, с теми мелочами, которые подобно мошкаре досаждают на каждом шагу. Но, борясь, вы должны помнить, что это всё пройдёт. Истинное мужество, оно найдёт новые способы свершения, оно претворит всё вокруг себя в нужный свет. В великой простоте сердца – великая мудрость познания. Творите жизнь в каждом её миге, пребывая светлыми, творчески приподнятыми. Славославьте Жизнь в сердцах ваших! Не о гимнах церковных напевов я говорю вам, а о гимнах Жизни, когда сердце знает, чего оно хочет, когда оно утверждает себя, срывая с себя покровы самости, и растворяется в той великой Жизни, которая и есть истинная сущность каждого.

Кр.

И вот ещё стихи, которые я тоже написала сегодня вечером:

В ладони вечера вложите тишину
И мир сердец... Не будьте беспокойны.
Омойте сердце тишиной
И близостью заката...
Окончен день. Но завтра новый свиток
Вам развернёт сверкающее утро.
Умейте начертать в нём мудро
Простые, но великие дела.

Вот и всё. Я сегодня послала Вам письмо, а сама уехала в Туапсе. Завтра я вернусь обратно домой. Конечно, можно было бы не посылать сейчас же то, что вытекло из моего сердца, но я не могу не поделиться с вами всеми, моими родными и близкими, своим радостным творчеством. Мне хочется, чтобы всё это сейчас же, без замедления летело к Вам! Я послала сегодня Вам письмо, и немного волнуется сердце, как-то Вы его примете. Помните, 6–7-го буду ждать телеграмму. Или телеграммы не будет. У меня сегодня весь день какое-то «великое состояние». Где-то принимаются великие решения, где-то сближаются звёзды, где-то произносятся великие слова... Я не знаю, где, но только я вся свечусь, как вставшая после болезни. Так рождается в мир новая жизнь сердца. Я жду всего и принимаю всё: и самую дерзкую мечту о счастье, и самое скромное уединение. Я жду...

Л.

И вот сегодня утром ещё два стихотворения сердца:

Я даю, ибо сердце моё переполнено,
Ибо сердце моё истекает кровью,
Пронзённое сверкающим копьём любви.
Я даю, ибо сердце моё переполнено.
Оно не может вместить всего, что имеет,
Это выше моих человеческих сил.
Приходите, берите всё из него и черпайте —
Оно не может вместить всего, что имеет.
Кто жив в любви – для тех нет больше смерти,
Для тех исчез накопленный туман

Сомнений, слёз и горести обиды,
Для тех вся жизнь – единый сердца храм.
Для них любовь живой залог бессмертья,
Их каждый день ликующе иной,
И сердцем чистые, как радостные дети,
Они идут, сверкая над толпой.

7.10.36

Вечер... Трещат сверчки. В окно опять глядит звезда... Моя звезда! Вечер очень свежий, я даже закрыла окна. В сердце какая-то великая тишина и... усталость. словно я опустошила все силы после великого бунта. Хочется лечь и не двигаться...

Я сегодня получила Вашу телеграмму, я не сомневалась, что она будет, я только не знала, как Вы её протелеграфируете... «Мы согласны»... Кто же эти «согласны»? С кем Вы советовались, милостивый государь? Мне надо было слышать биение только Вашего сердца, и в это мгновение пусть замолкнут все остальные мнения. Я очень сейчас вдруг устала...

Я лежала у моря и приняла передачу. К сожалению, не могу Вам её послать, прочтём это уже вместе. А для Вас «мы написали» стихи:

И что сказать? Что я уже не та...
Что где-то вознеслась к престолу света чаша
И кем-то жертвенно дана и принята,
И жизнь была – моя, теперь же... стала ваша.
Былых разлук закончен долгий срок...
И встретились узнавшие друг друга.
Так путь любви в веках упорен и глубок
И повторяется, свершив законы круга.

Это Вам! Мой дар.

Что мне ещё сказать?.. Я в другой раз напишу о всяких деловых предложениях. Сейчас не хочется ни о чём этом думать... Трещат сверчки... И всё же стоит великая и торжественная тишина ночи. Я ещё не скоро увижу Вас. Впрочем, может быть, *ноябрь* это уже для Вас скоро? 28 октября моё рождение. Я жалею, что этот день пройдёт вдали от Вас. Я всегда чту этот день, когда я впервые пришла в мир. Говорят, я не плакала и не спала, а всё рассматривала кругом с любопытством. <...>

Ваша Л.

8.10.36

Сегодня ночью я проснулась и опять долго лежала с открытыми глазами. И вот сердце, вероятно, чтобы я скорее заснула, рассказало мне сказочку: «Бежал в дремучем лесу серебряный ручей, он был совершенно чистый, светлый и холодный, никто не замутил ещё его серебристой тишины... И он, тихо журча, пробивался к свету. И преградил его путь другой поток. Он был стремительный и бурный. Его воды несли в себе много мусора, но он мчался с гор, и он стремился слиться с океаном... И оба потока слились в один. И потерял серебристый ручей свою чистоту и тишину, он получил устремлённость и силу,

а бурный поток, влив в себя серебро и чистоту ручья, получил его хрустальную и нежную прозрачность». Вот и всё. И мне захотелось ночью встать и записать эту сказочку, но сердце сказало, что я её не забуду. И я заснула. Сегодня день чудес. Сегодня день великой радости сердца. Я жалею, что около меня сейчас нет всех моих родных друзей, чтобы я могла поделиться с ними своим счастьем. И я весь день хожу как участница. В сердце великая тишина, умиленность и даже боль от счастья. Это невероятно, что можно быть такой счастливой?! Я всё это записала и прочту, когда я буду вместе со всеми. Ведь это же счастье для всех, кто желает его получить! Сегодня и сны я видела какие-то необычные... Всё чудесно в мире! Я проснулась утром от радостного чувства бытия. Сегодня в саду У. был большой праздник, совсем для меня необычный. Я не знаю, как сложится моя внешняя жизнь, но я знаю, что внутренне она растёт и временами счастье заливают моё сердце. В такие минуты я ни Ваша, ни своя, я просто... ничья. Это все очень трудно рассказать, да и не нужно. <...> Боже мой, мой Боже, как чудесна жизнь, как она нежна, благоуханна, как таинственны её пути для нас и... как мы слепы! Я себя ощущаю совсем иной, чем я была весной, словно века пролетели над моей головой и словно во мне отболела и умерла целая часть моей жизни и из всех этих развалин появился... цветок! Такой неожиданный, такой нежный и благоухающий... И я полна к нему нежности. И я хочу беречь его, лелеять... Сегодня изумительный день! Я словно вернулась откуда-то издалека, и всё мне кажется необычным, и какая-то серьёзная важность свершаемых событий в сердце. Может быть, эти дни, на пороге моей новой жизни, которую я встречаю в полном одиночестве здесь, будут после считаться мной самыми счастливыми? Нет! Я хочу, чтобы и дни с Вами были полны счастья. <...>

Ваша Л.

14.10.36

Мне кажется, что я Вас давно-давно не видела... Мне кажется это потому, что я давно не говорила с Вами. Я не могла Вам писать. Я написала Вам три письма и все три разорвала в клочки... Это, конечно, хорошо я сделала, что их не послала. Ах, мой милый, родной друг, боюсь, что Вам будет много хлопот со мной. Я ведь далеко не ангел. Я боюсь (опять «боюсь»), что Вы меня не вполне учитываете. Я сильно изменилась и буду ещё меняться, я знаю, но всё же во мне ещё много бури, и мятежа, и всего того, что может опрокидывать на пути самые ясные намерения и возвышенные чувства. И всё же мне хотелось бы, чтобы Вы любили не только мой цветок и жемчужину... Ведь тогда куда же денется та «Лялечка», которая ещё не имеет ни цветка, ни жемчужины?.. Я сегодня получила два Ваших письма от 8-го и 11-го. Я рада. Нет, больше чем рада. Когда Вы пишете мне, все бури моего сердца сразу утихают, всё делается светло, просто и понятно. Я не еду на Афон, я ещё остаюсь здесь вместе с ней. За это время горизонт нашей будущей жизни вместе с Вами ещё больше просветлеет и очистится. Мой дорогой, я всё же должна знать, куда я приеду. Я всё же опять повторю, что жить (даже временно!) втроём в одной комнате я не могу. Мне обязательно нужен свой угол. И я очень устаю от людей. Я ещё была крошкой, когда запиралась одна и радостно думала, что «хорошо, что никого нет возле». Когда я долго на людях, у меня ощущения, что с меня сдирают

кожу. И не знаю, смогу ли я бороться с этим, особенно сейчас, когда у меня началась большая работа у У. (К. Х.). Я Вам про это не писала, так как это ещё совсем недавно началось. Я ни на чём не настаиваю, я вполне доверяю Вам, я готова всё принять из Ваших рук. Я знаю, что Вы сделаете так, как надо, но когда будете это делать, то немного подумайте обо мне, обо мне, простенькой личности, которая... тоже имеет свои слабости... Я знаю, что я еду в Ленинград для многих, но эти «многие» получают меня потому, что существуете Вы, и если бы Вас не было, то я бы не поехала для этих многих... Ведь если же Вы даны мне, то это значит *надо*, и не старайтесь мне внушить, что я еду не ради «одного». Нет, ради одного Вас! Я это говорю твёрдо. Но через Вас я приму многих, то есть всё то, что расцветёт в моём сердце, это всё будет принадлежать всем. Если возможно будет выделить в вашей квартире мне уголок отдельный, то пусть будет так, если нельзя, то, может быть, можно меня поместить куда-либо за городом, где я смогу освоиться с климатом и с окружающей меня жизнью. Но я бы хотела, чтобы к моему приезду (это будет, я полагаю, в 20-х числах ноября) мы с Вами знали бы, где я буду. Сейчас мне всё же это ещё не ясно...

С приездом Шуры кончилось моё одиночество. Я ей уступила свою комнату, а сама перешла в комнату Мави, где сплю одна. А весь день мы вместе. Погода дождливая, и довольно свежо, но Шура поразилась «теплом» после Москвы. Конечно, тут всё ещё зелено и цветут розы. Около меня стоит такой букет красных роз. Я отрываю один лепесток и посылаю его Вам... А музыки мне здесь очень не хватает. Но я хотела бы послушать не радио, а Вашу игру, мне это дало бы больше радости. Я очень люблю рояль и виолончель, скрипку только первоклассную. И ещё повторяюсь, что хочу Вашу карточку, самую маленькую и пусть любительскую. Ну вот – всё. Как мне хочется Вас видеть!

Л.

15.10.36

Мой дорогой друг, я хочу только Вам сказать, что мне радостно сердцу и я посылаю Вам те стихи, которые сейчас пропели в моём сердце:

Очей очарованья – розы цвет...
И в лепестках её порхает аромат...
И каждый славою незримою одет,
И каждый лепесток по-своему богат.
Пусть сердце каждого раскроет лепестки
И в нежности его незримых сил
Поднимутся, светя таинственно, ростки,
Которые сам Бог благословил.

Что ещё мне сказать Вам!.. Я посылаю эти лепестки розы, и пусть каждый из них прошепчет Вам то, чем переполнено моё сердце.

<...> Сегодня я ночью видела сон. Ночное небо, и на нём небывалой формы очень яркие созвездия, похожие на какие-то брильянтовые шарады. Я стояла около очень больших и очень широких стеклянных дверей, ведущих на террасу, а сзади меня стоял кто-то, кого я не видела, но чувствовала каждым нервом. И

он стоял близко-близко около меня, и мы молча смотрели на звёзды... И теперь я знаю все Ваши мысли и все Ваши чувства, потому что они и мои тоже. И я действительно не знаю, смогут ли цветы лежать безжизненно на алтаре и не разметёт ли ураган моих чувств все мирные представления «о моих высоких достоинствах»... <...>

Ваша Л.

16.10.36

Сижу на море. 10-й час. Только что вернулась из сада У. Небо ясное, солнце греет. После всех дождей, что вылились за эти недели, это очень приятные ощущения. Сижу и греюсь... Думаю, не выкупаться ли в море?.. Оно кажется ласковым. Я не думаю о Вас. Вы в моём сердце. <...> Я сижу на песке, почти на том месте, где мы сидели с Вами и Вы мне рассказывали о своей жизни, о своём брате и о том, что я похожа на него... Я бы хотела, чтобы Вы были тут опять... Вы бы увидели это море, эту тишину утра и яркую сверкающую полосу на море там, вдали, около лиловых гор. Моё сердце полно до краёв. Как случилось это чудо? Как это произошло? Я не знаю... <...>

Любящая Вас Л.

<...>

17.10.36

Сегодня мы живём совершенно как в подводном царстве. Потоки воды мчатся со всех сторон, они спускаются сплошной стеной, струями струятся по окну, шумят, звенят булькают и капают в комнату. Даже не верится, что могут облака столько вмещать воды. Ручей разлился. Перейти его невозможно, к нам ход только с шоссе. Но мы ничуть не унываем. В сердце всё время горит радость, и её свет всё делает розовым. Я не получу Ваших писем ни сегодня, ни завтра, так как сегодня не пройти на почту, а завтра выходной день...

Сегодня я получила статьи К. Х. Я очень счастлива. Шуре я их все прочла, и она, потрясённая, считает это очень великим событием в нашей жизни. Я думаю так, что, когда мы будем вместе, мы приобретём хорошую тетрадь, и Вы Вашим красивым и милым моему сердцу почерком перепишите все статьи К. Х. и будете их и дальше вписывать, если они не прекратятся. Я понимаю так, что они будут даваться в большом количестве и это составит сейчас основную работу моей жизни.

И вчера, и сегодня я всё думаю о первых днях нашей совместной жизни с Вами...

Я хочу в тишине и уединённости встретить нашу любовь, я хочу, чтобы всё, всё, что есть в моём сердце высокого, прекрасного, чистого, горячо пронизанного любовью, всё передать Вам в тишине и уединении. Я думаю, что Ваше сердце согласно с моим? Я хочу, чтобы это был праздник, это была бы радость, чтобы наша встреча, – это не была бы только встреча здесь на земле, но чтобы и где-то «там» сомкнулись в радости чьи-то крылья... Зачем же мне столько глаз вокруг, зачем же мне ещё кого-то видеть около себя, хотя бы и очень милого, и даже любимого, я после, после разгляжу их всех и всем отдам радость моего сердца, но пока я никого не хочу знать, я никого не хочу видеть, я никого не хочу слушать, только Вас... Вас... Вас! Неужели Вас это огорчает?!

(Мой дорогой, скажите: это очень глупо всё, что я Вам пишу?)

18.10.36

Я не могу не поделиться с Вами радостью... Я шла сегодня по шоссе. Проглянуло солнце, но было ещё очень сыро и ветрено, но сердце сияло, и потому всё казалось и значительным, и важным. И вдруг я почувствовала, что сейчас я буду писать. Я села на камни при дороге, и освещённая солнцем, написала:

Творческие судьбы народов различны, но все они объединяются одной общей целью. Лучше всего это можно воспринять, представив себе дерево, которое имеет множество веток различной длины и ширины, но все вместе они составляют то целое, которое образует дерево. Я хочу сказать, что судьбы народов так же, как и отдельного человека, имеют свою историю, свою эволюцию. Надо уметь находить во всём глубокие корни прошлого, но вместе с тем находить и радостное настоящее, которое граничит с будущим. Если б человечество обрело этот дар жизни в Вечном, оно потеряло бы многое из того, что сейчас ему кажется ценностью и приобрело бы то, что, несомненно, привело бы его к счастью: простоту и ясность понимания мира, своей цели и назначения, своего места в нём. Если б нам всем грозила опасность быть навсегда уничтоженными, мир перестал бы существовать, потому что мир – это мы сами, и если понять это во всей простой и поражающей глубине, то всё стало бы немедленно ясно и многие проблемы мира и индивидуальные страдания были бы разрешены. Ещё скажу, что если яблоку пришла пора созреть и отпасть от ветки, то никакая сила не сможет удержать его падения – оно созрело. Так и сердце, когда оно готово к тому, чтобы созреть и оторваться от ветки своего узколичного понимания жизни, ничто не сможет остановить его. Каждому дана эта возможность созревания, но для тех, кто ещё не готов, жизнь хранит целую серию воплощений, в которых возврат одних и тех же уроков ведёт к пониманию, которое заставляет человека почувствовать ярко новую волну понимания смысла бытия. Всё, что существенно, находится в глубинах и тайниках ваших сердец, и никто этого не сможет раскрыть в вас, пока вы сами не созреете настолько, чтобы получить своё богатство, хранимое в вас веками. Одолеть себя – это значит понять истинную сущность бытия, которая стремится не к разобщённости, а к единению. И тогда та маленькая, полная эгоизма жизнь личности уступает место сверхличности, которая неукротимым потоком мчится к Великому Океану Жизни, чтобы, слившись с Ней, выразить своё назначение.

К. Х.

Это всё.

Мой дорогой, пока я писала, я совершенно ничего не понимала, так как это было быстро дано и я даже не улавливала смысл фраз и связи между ними... Это всё так чудесно, так радостно. Когда я приеду, то мы поговорим об этом более подробно. Сейчас вечер. Я закончила в шесть часов свой день, теперь только остаётся многое переписать. Зажгла лампу и керосинку. Дождя пока нет, но море бушует, и по небу ходят тучи. <...>

19.10.36

Доброе, доброе утро! Мне ещё хочется поделиться с Вами своей радостью, сказать, что сейчас солнце, что я была уже на море, была в саду У. А сейчас сижу под дубом, под тем дубом, где большой стол и где мы с Вами сидели в последний день Вашего здесь присутствия. И я сижу на том месте, где сидели Вы, и на меня светит солнце... А внизу сверкает, бежит и шумит ручей... И вот моё сердце, полное вдохновения, записало:

**Там, где наш Луч,
Там и наша Радость.**

Есть в жизни моменты, когда нельзя оставаться бездеятельным, когда надо принимать быстрые и смелые решения, когда каждая минута промедления граничит со смертью. В такие мгновения человеческое сердце оживает, оно дышит, оно стряхивает с себя гнёт своего сна и от его вялости не остаётся следа. Вот в таком состоянии надо быть всегда, это и есть истинная собранность, творящая жизнь из себя – вокруг себя. Научиться собранности нельзя посредством каких-то методов, но следить за собой неустанно, будить, подхлестывать свою инертность – необходимо. Только живым сердцам – живое слово. Те мгновения, когда сердце живёт и дышит, всегда оставляют след в жизни людей, как бы свет молний, озарявший их. Как же велико и интенсивно должно быть напряжение сердца, чтобы жить в этом свете всегда. Каждый шаг, отмеченный таким состоянием, глубок и значителен; каждый поступок прост, прям и носит в себе зерно вдохновения. Ищущий получить помощь извне не найдёт её, если он не примет её сам от себя, из глубин своего сердца. Но для этого проснитесь! Оживите! Осознайте себя живущими, ликующими от экстаза жизни в сердцах ваших. Всё, о чём только мечтал мудрец, и вся фантазия, которая осеняет мечты ребёнка, – это всё существует в Реальности. Жизнь безгранична, её мощь неопишима, её творчество потрясает, и мы, носители её в себе, владеем всеми её дарами в те мгновения, когда наше сердце живёт и дышит, когда оно совершает поступки вне обычного своего понимания, когда оно поднимается над всем обычным и случайным и вливается сверкающим потоком сил (своих неосознанных сил) в океан Жизни. И ещё: наука, укрепляя мышление человека и его настойчивость и волю, тогда поднимается на должную высоту, когда мудро сочетает интеллект и интуицию, дающую вдохновенные прозрения.

К. Х.

Это всё.

И вот я сижу и вижу, что этот стол, почерневший от дождей, весь засыпан розами. Они срезаны без зелени, их тысячи, они лежат нежной, благоухающей горой... И я смотрю на них и не знаю, почему они здесь лежат и кому предназначено их благоухание... Но Вам предназначена я – «всё моё благоухание сердца». И я запечатаваю сейчас не письмо, а солнце, много солнца, любовь и часть этих воздушных роз, которые лежат передо мной. Эти передачи прочтите Г. и Ф., так же как передайте им мою любовь и ласку.

Ваша Л.

Мне хочется ещё сказать, что сейчас я переписывала в отдельную тетрадь статьи К. Х. Их всего шесть, но это пока. Я их писала и перечитывала и чувствовала огромную волну радости. Это вроде передач К., но только в последних есть какая-то существенная разница. Там есть такая глубина, которую, написав, я сама ещё не могу осилить. И меня бесконечно радует мысль, что возле меня вскоре встанет мой друг, мой возлюбленный, мой нежный брат, которому я смогу всё прочесть, который всё поймёт и разделит со мной, которому всё это так же (а может, и больше) близко, как и мне. Это ли не счастье?! Я знаю, что, держа Вашу руку в своей, я окрепну, что Вы многое мне поможете закрепить в себе, во многом разобратся по-новому. Я знаю, что встреча наша не простая. О, мой друг, от всей полноты сердца говорю Вам: как счастлива я, что встретила Вас на своём пути, как я бесконечно благодарна У., что они дали мне эту возможность, что они благословили наш союз. Всё время сердце поёт во мне и дышит радостью... Я верю в то, что мы вместе и рядом поймём новое творчество жизни, о котором говорит Кр. Оно в нас, оно бьётся в наших сердцах, и даже влюблённость, которая кружит голову временами, и та чудесна, потому что в ней аромат Жизни. Я чувствую себя переполненной Вами, я вдохновенна, светла, переполнена ликованием и нежностью к Вам, и я тяну, тяну к Вам объятия такие чистые в своей страсти, как чиста любовь, подарившая нас друг другу, проведя нас через века многих и многих скорбей... Весь день полон Вами!

Ваша Л.

20.10.36

Я Вам хочу сказать об огненном просторе,
Раскинутом вдали на облачных горах...
О том, что сердце вдруг в себя вместило море
И всю вселенную качаю я в руках...
Что сердце ширится, полно восторга, муки.
Оно живёт в мирах, где нет значенья слов,
Там, где рождаются величественно звуки,
Где встречи лучшие, неповторимых снов...
О, милый друг, поймите, если можно,
Что долгие века, вместив в единый миг,
По-новому душа взволнованно-тревожна
И счастье трепетно в ней прорезает крик.

Это Вам. Мой второй дар. Это сегодня вечером я написала, сидя у моря и думая о нас с Вами. <...>

Ваша Л.

22.10.36

<...> У меня в сердце сейчас тихо и светло. Ну что мне сказать? Прекрасное стихотворение Тагора сказало всё. Я тоже люблю эту вещь – она полна прелести. Мне хочется приплыть к берегу... «Синяя птица» хочет лететь в свой дом. Я не боюсь ничего. Я верю Вам и знаю, что будет всё как надо. Получив

Ваше письмо и Г., я помчалась к морю, конечно. А тут к вечеру вдруг тучи раздёрнулись, и закат во всей потрясающей красоте предстал передо мной. Я ходила по мокрому берегу, волнение захлёстывало меня, всё было слишком хорошо в то мгновение. И вот в сердце родилось третье стихотворение:

Я стерегу те дни, которые настанут...
Мне страшно прикоснуться и мечтой
К цветам любви, они так быстро вянут...
Я не хочу коснуться их рукой.
Я стерегу мечты, которые, как птицы,
Стремятся улететь в родные им края...
И, жизни развернув по-новому страницы,
Хочу по-новому вписать обеты я.
Я стерегу всю нежность тех созвучий,
Которые, быть может, передам,
Когда душа волною чувств могучих
Себя отдаст взволнованным губам.

Это Вам. Мой дар. Третий. Ну, не странно ли всё это? А я вижу, как горит и сверкает огненный цветок в какой-то прозрачной и глубокой синеве... И он ещё не распустился. И это – наша любовь! И я смотрю на него зачарованным взглядом, чуть дыша, и уже тут нет слов... Пусть всё будет так, как Вы хотите, а я пойду туда, куда поведёт Ваша рука. А я Ваша. Карточку Вашу жду.

25.10.36

У. говорил мне о значении моей любви и о том, как я должна уметь её держать чистой и светлой и не давать проникнуть в неё тёмным вибрациям. «Отношения глубокой чистоты сердца и прозрачности чувств – вот основная мелодия вашей любви друг к другу», – говорил он. Я это не записала, а сохранила в сердце и канву этого разговора посылаю Вам. <...>

Ваша Л.

26.10.36

Я третий день сижу у моря. Ухожу далеко к Солоникам, ложусь на песок и целый день пишу, читаю и размышляю. Надо мной высятся сосны, высоко на обрыве, а передо мной море... К вечеру я тихо возвращаюсь домой, вся словно омытая и внутри, и снаружи светом, морем и воздухом... Мой дорогой, вот какие мысли сегодня прошли через моё сердце о творчестве:

Есть истинное творчество, то, которое даёт ценность и присутствует в Жизни, это творчество сердца, когда оно, вдохновенно и взволнованно ликуя, ткёт пряжу своего бытия. В этом смысл творчества, а не в том преходящем и мимолётном, что запечатлевает ваше творчество на временном и преходящем, пусть это будут гениальные произведения великих мастеров и прославленного гения. Не этим ценен он для нас, а той великой, внутренней напряжённостью, которая, рождаясь в сердце, вознесла его над всем тусклым и повседневным. И ещё о творчестве.

Творчество не даётся в удел гению, оно даётся каждому сердцу. И в те минуты, когда оно творит в вечном, – оно гениально. Пусть он не будет

прославленным поэтом, художником, мастером слова или жеста – он будет гениален, ибо его творчество в глубине сердца и есть истинное творчество. Не губите себя схоластикой, суетными размышлениями, но всегда горячо стремитесь держаться на приподнятой высокой точке вашего сознания, глядя с которой на всё преходящее, вы оцениваете правильно все события, не умаляя их, но ставя на должное место и не приписывая им той силы, которой они не имеют. Всё есть творчество, что является плодом внутреннего, глубокого и чистого сосредоточения. Но я говорю только о творчестве духа, о творчестве сердца, которые не очерчены никакими гранями, никакими рамками. Это творчество граничит с восторгом экстаза, и оно родит гения, имя которому: *человек*. Это не гений одной узкой области, какого-либо искусства или мысли, а это яркий творец своего собственного существа (естества), сотканного его собственным творчеством.

Кр.

Право, стоит просидеть у моря с утра до вечера, чтобы родить в себе такие прозрачные и глубокие мысли! <...>

Ваша Л.

28.10.36

Ночью опять были передачи... А утром я проснулась с мыслями о Вас и подумала... Ну что же, любимый, будьте готовы принять бурю в своё сердце... Если Вы полагаете, что любовь это нечто очень спокойное и окрашивающее всё розовым цветом, то Вы ошибаетесь, она имеет все цвета и оттенки. И если Вы думаете, что примете в своё сердце тишину, то Вы примете в своё сердце бурю. Это пугает Вас? Может быть, Вам станет жаль расстаться со своим покоем, когда Вы охранялись от всех вибраций? Я не думаю, чтобы я была способна Вас охранить от них, я думаю наоборот... Подумайте, пока не поздно! Потому что я несу в своём сердце пламя, оно обжигает, и в нём сгорят многие Ваши «принципы» и многие Ваши понятия. Я не продолжаю... Но пока ещё не поздно, подумайте. Любовь сделает из Вас безумца и сумасброда, ребёнка и мудреца, она поведёт Вас за собой, и Вы должны довериться ей и не оглядываться назад. Готовы ли Вы следовать за ней? Она требовательна и покорна. Она властна и совсем кроткая. И она требует себе всех привилегий, чтобы тут же склониться ниц и вручить их любимому. И, отдавая, она берёт, и она не считает, не меряет, и она же возносит выше звёзд, и в тёмных омуты её глаз исчезает весь мир. Готовы ли Вы, любимый, встретить её – меня? А сейчас я хочу закончить письмо, рассказав Вам о вчерашней моей встречи с У.:

«5 часов 27-го. Я вошла на терраску к У. Я опустилась на колени около его ног и сказала сквозь слёзы...

— У., прости мне мою слабость! Вы дали мне дивную розу, а она вонзилась в моё сердце шипами, и я не умею оценить её нежности и благородства.

У. улыбнулся и сказал:

— О, дитя, неразумное дитя! Это так несерьёзно, это всё пройдёт как лёгкий туман утра. Мы дали тебе цветок не для того, чтобы ты кололась о его

шипы, но чтобы ты оценила его благоухание и чтобы он дал особый аромат счастья дням твоим. Сядь, дитя. Я расскажу тебе сказочку.

Я села на скамеечку у его ног, и У., положив свою нежную руку мне на плечо, начал говорить:

— Жила в лесу белочка. У неё в дупле дерева родились три детёныша. Она была счастлива, но сова утащила одного новорождённого крошку. Белочка погоревала, но у неё осталось ещё два детёныша в утешение. Прошло некоторое время, и дикая кошка утащила второго, уже более взрослого. Белочка горевала, но у неё остался ещё один детёныш. И этот, подрастая, стал прелестен, но и его подхватила однажды сова. И белочка стала одинокой. Как ты думаешь, о ком из них она скорбела более всего?

— Я думаю, У., что в равной мере ей были дороги все три.

— Да, ты права; я думаю, что для истинной Любви (а мы предположили на мгновение, что белочка обладает истинной Любовью) нет различий... Но вот пришла новая весна, и у белочки родились новые детёныши. И на этот раз все они остались живы, и она была вполне счастлива и забыла о прошлогодних скорбях... Ах, как часто человеческие скорби проходят так же бесследно, как скорби этой белочки. Дитя, запомни: всё, что на поверхности дел твоих, всё это несерьёзно. Серьёзна лишь бездонная глубина сердца. И чувства, которые возникли по поводу временных слёз или улыбок, истаяв, исчезнут.

У. замолчал. Его рука всё ещё лежала на моём плече. Сгущались сумерки. В сердце вступила тишина и покой уверенности. Рука У. была на моём плече и Его Любовь была в моём сердце».

И ещё я Вам хочу сказать, что сегодня я родилась! И это для Вас я теперь родилась. И я иду, иду к Вам по тоненькой, тоненькой нити, которая протянулась от моего сердца к Вашему. И я иду не оглядываясь, я иду потому, что Любовь ведёт меня. И руки мои протянулись навстречу – ищут Вас!

Л.

29.10.36

Я получила от Вас посылку сегодня: самое дорогое в ней – Ваше письмо...

Я имею Вам что передать. Вот:

Есть некоторые способы понимания Жизни, которые сложились в системы, и люди, следуя им, теряют то, что я называю «аромат Жизни». Мне кажется, что гораздо лучше и совершеннее не предаваться никаким системам. У Жизни нет систем. И Жизнь нельзя уложить ни в какие мерки. Всё, что вековая мудрость человечества, проникая в глубину Жизни, вынесла на поверхность, – это ещё не вся Жизнь. Она вся хранится только в сердцах людей, в понимании жизни настоящего дня, то есть того творческого мгновения, которое и есть миг Вечности. Не следуйте ни за кем, не записывайте моих слов, если вы их превращаете в святилище, не создавайте себе привязанностей ни в прошлом, ни в будущем. Только миг сегодняшнего дня полноценен. У Жизни много разнообразных форм, но все они преходящи. А я вам говорю не о формах, а о том, что за формой. Истиной я называю то, что не имеет ни формы, ни определённого выражения, но Она – совокупность всех форм, всех выражений. Истина невыразима и, однако, люди постоянно стремятся низвести Её. У Истины

нет ни начала, ни конца с которых можно было бы Её рассматривать и давать Ей определяться, потому что Она вне всего этого и всё же Она объемлет всё. Я бы хотел вам указать на тщетность попыток определить Истину, но я хотел бы вам указать на то, как важно суметь найти Её в себе. Для того чтобы начать правильно познавать Жизнь, надо научиться находить во всём Её бытие... Надо научиться принимать Жизнь во всём: и в малом, и в великом. Не в мире фактов творит Жизнь и даже не в мире идей, а в совокупности всего составляющего мир. Я говорю вам: не предавайтесь соблазну успокоиться, а ищите расшириться. Поймите, Жизнь не в тесноте ваших замкнутых квартир, а в широком просторе мира. Жизнь не может быть ни замкнута, ни ограничена. Всюду и во всём – Жизнь. Следуйте Её велениям. Она проста, и Голос Её, не заглушённый вашими суетными и воображаемыми делами внятно возносится над всем миром. Он говорит: «Следуйте за мной. Я не учу вас ничему, но Я в вас, и вы – во Мне. Нет ничего, что было бы вне Меня».

Истинная собранность – это есть наивысшая напряжённость Жизни; Жизни, готовой в вас обратиться в любую сторону, в любой момент. В своём великом напряжении человек прост, прям. Он не поучает никого, он не морализует – он живёт. Он одухотворён Жизнью, и она через него творчески проявляет себя. Мне кажется, что это так просто, друзья мои, так просто, что даже не требуется особых условий для того, чтобы понять это, кроме одного: иметь великую жажду раскрыть в себе этот живой источник Жизни и черпать из него.

Кр.

<...> Ваша Л.

31.10.36

Доброе утро! Сегодня опять чудесный день. <...>

Вчера я видела сон... Он какой-то вещий. Я Вам расскажу: «Где-то на каком-то дворе между домами (небольшой город типа провинции) стою я и какие-то мои близкие, но кто, не знаю... Идёт дождь, сначала слабо, потом превращается в ливень; все прячутся, и я тоже становлюсь под крышу. И вдруг вижу, что вместе с потоками дождя падает с неба огонь синевато-жёлтый. И это очень страшно. И тут же возле меня спускается с неба деревянная свеча. Она огромная и похожа на круглое бревно, но посередине, как и у свечи, горит огонь. И эта деревянная свеча опять поднимается в воздух на крышу того дома, где я живу, и поджигает его. Я кричу тем, что со мною:

— Смотрите, смотрите, она поджигает мой дом.

А кто-то говорит:

— Это очень хорошо. И пусть горит. А мы уйдём отсюда.

И мы направляемся к воротам. Но я говорю:

— Но ведь кругом люди, и они спят. Надо разбудить их.

И кто-то из тех, что со мною, опять отвечает:

— Не надо. Они сами проснутся, когда придёт их время.

И мы продолжаем уходить... Тогда я опять говорю:

— Может быть, вернуться в дом и взять там какие-либо вещи, пока не поздно?

И мне отвечают:

— Нет, брать с собой ничего не надо оттуда. Пусть всё сгорит.

И мы выходим на большую дорогу. А в руках у меня какие-то стеклянные пустые вещи, которые прижимаю к себе, и я смотрю в удивлении на них: зачем это я их несу с собой? А дорога широкая и большая, и, несмотря на тревогу, какая-то радость в сердце – что нет ничего, что привязывало, и весь мир лежит перед тобой...»

И я проснулась. И вот этот сон не забывается. Он вещий. Я знаю... Но ещё не умею понять его до конца. <...>

Ваша Л.

3.11.36

Сегодня день необычный... День великого счастья и... великой боли. Но о боли я Вам писать ничего не буду, а только о счастье. Сегодня днём налетело счастье, и вот что оно нашептало мне, когда я сидела на берегу моря:

Друзья, примите весть. В эти солнечные и короткие дни, когда осень отдаёт нам свои последние улыбки и готовится вступить зима, сердце как-то особенно трепещет от нежности... От нежности к этому короткому угасанию, к этой умиротворённости природы, принимающей своё скорое молчание. Друзья, не так ли и сердца наши должны учиться у природы, вступая в Жизнь, встречать в глубокой умиротворённости все чувства. Нельзя сразу стать богами, но открыть в себе человечность, приоткрыть душу навстречу льющимся звукам, свету и аромату – это может каждый из нас. Я хочу только сказать, что в такие дни у меня особенно много нежности в сердце к каждому из вас и каждому хочется напомнить, что он – это я и я – это он. Не чуждайтесь себя-меня, мы с вами – одно. Там, где я обрёл тишину и покой, – обретёте и вы, важно только насколько интенсивно вы желаете и чувствуете этот трепет экстаза. Мне кажется, что гораздо лучше не заглушать в себе голоса природы, чем давить его аскетическими упражнениями, когда всё ваше существо ещё в расцвете сил и энергии. Поймите меня, друзья мои, всё в мире гармонично. Все мы струны, протянутые в одном общем аккорде, но каждая звучит так, как свойственно только ей. Нельзя перетягивать, иначе струна лопнет, но добиться, чтобы струна звучала так, как ей свойственно, – необходимо. Это всё, друзья. И ещё я скажу всем вам про великую Радость, которая, зародившись в веках, скоро пронесётся над нами, как могучая волна, как весна Жизни, и те, кто могут и кто уже достаточно зрелы, чтобы ощутить это, почувствует в себе небывалый расцвет: и силы, и Жизни (творчества) и счастья.

Кр.

Это всё.

Эта передача налетела какой-то тёплой волной. Я почувствовала её нарастание ещё лёжа на террасе и (увы, не побежала!) доплелась до моря. Сегодня день счастья. После этой передачи я сидела у моря, и трепет вдохновения пронёсся в сердце. Я написала одним взмахом, без помарок стихи – вот они:

О, Боже, я за всё тебя благодарю:
За то, что я дышу, смотрю и осязаю,
За то, что я люблю, за то, что я горю,
За то, что с каждым днём неотвратимо таю.
За то, что предо мной морская дышит даль,
За то, что Радостью делиться я умею,
Что запах осени как розовый миндаль,
За то, что до краёв я счастьем пламенею.
За то, что я люблю, за то, что я горю,
За то, что не усох мой жизненный поток,
Что сердцем трепетным я биться не устану,
За то, что над землёй подняться мне помог,
За то, что на земле мне выжег рану,
За то, что близится Тобою данный срок
И кончатся отсчитанные муки.
И распустившийся сверкающий цветок
Я передам в протянутые руки.
Это тебе мой дар. Четвёртый... <...>

Ваша Л.

4.11.36

Я шла к морю. Было уже около пяти часов. <...>

Я села на берегу лицом к заходящему солнцу и вот посылаю Вам это благоухание из сада У.:

«Я подошла к терраске. У. молча мне сделал знак приблизиться и сесть у его ног. У. был задумчив. Его прекрасное лицо было серьёзно и глаза смотрели вдаль... Великая тишина овеяла меня... Наконец У. тихо сказал:

— Открой глаза и запиши слова мои.

Священной любви трепет в сердцах людей означает ступень возрождения. Умейте учуять в себе Любовь и дайте ей раскрыть крылья зари огненной. Не таитесь и не бегите Её. Через Любовь счастье осеняет сердца Ваши. Там, где сердце, как кафельница, курится фимиамом Любви, – там вечное сверкание света, звука и аромата. Пребудьте мудрыми в сердцах ваших и умейте принять не только выражения Любви, но и Силу, которую Она несёт в себе, излучаясь в вас! Пребудьте сверкающими, когда Любовь коснётся часа вашего, ибо она животворит и в трепетном сверкании, звезде подобной, Она подымлет ваше сердце, как жертвенную чашу, и прольёт в мир.

Всё. Закрой глаза.

Я опять была возле У.

— Встань на колени, – сказал У., – и я благословлю тебя на великое счастье, на великую муку и на свершение...

Я склонилась перед У., и он благословил меня. Когда я подняла лицо и взглянула на У., в его глазах сверкали как бы непролитые слёзы.

— О, У., – прошептала я, поражённая, – в твоих глазах слёзы.

— Глаза У. провидят дальше, чем глаза ученика, и слёзы наши не стыннут. Иди, дитя, и пребывай в мире сердца.

И У. отпустил меня».

Закат разметал по небу огненные арки и какие-то багровые крылья, море чуть плескалось... Быстро смеркалось. Я прочитала Ваше письмо. Оно вонзилось в моё сердце острой болью. Почему? Я не сумею Вам объяснить. Я попыталась это сделать там же на берегу, набросав это маленькое письмо «К Снегурочке»...

Ваша Л.

8.11.36

Я сижу на берегу и молюсь заходящему солнцу. Я говорю ему: «Я завтра уезжаю... Я скоро перестану видеть тебя, благослови меня своим светом». Я молюсь морю, которое всегда давало мне столько силы, и говорю ему: «Дай мне от твоей чистоты, от твоей глубины». И я молюсь закату: «Дай мне пламенеть, не жалея себя...»

— О, мир! Благослови меня, идущую к людям. Я понесу им своё сердце и всё то чудесное, что мне дала Жизнь! Помоги мне не расплескать этот источник счастья...

Любимый, завтра я начну свой полёт к Вам... Я ещё больна...

Завтра 9-го мы рано уезжаем в Сочи. Я не писала Вам эти дни. Я Вам написала те чудесные слова, что получила для Вас 3-го, но лишь завтра я смогу послать их. После них трудно писать что-либо. Я принимаю в каком-то великом блаженстве нашу приближающуюся встречу. Смогу ли я выразить Вам всё то, что я думаю и чувствую... Я хочу быть для Вас тоже той, которая «не любит и не ненавидит»... Вы научите меня бесстрастью. Меня Жизнь никогда этому не учила, и жар моего сердца касался всего... Но я склоняюсь ниц, в великой тишине сердца и говорю: «Научи меня бесстрастью!»

Л.